

Формирование криминогенных ситуаций в сфере социальных медиа и их влияние на процесс криминализации личности

Аннотация. В статье рассматриваются условия, способствующие формированию криминогенных ситуаций в сфере социальных медиа, обозначаются их виды. Анализируется влияние криминогенных ситуаций на личность, отмечается, что процесс криминализации личности в медиаполе выстраивается через воздействие ряда ключевых механизмов. К ним относятся: длительное либо мгновенное воздействие медиаконтента на личность; широкое распространение деструктивного и дезинформационного контента через тематические сообщества, чаты и группы и его нормализация; анонимность профиля, которая создает иллюзию безнаказанности; низкий уровень социального контроля и др. Последствиями для личности в результате такого воздействия становятся: искаженное восприятие социальных норм; формирование установок на оправдание противоправного поведения; снижение терпимости и, как следствие, рост агрессии. Выводы о влиянии социальных медиа на процесс криминализации личности основаны на анализе существующих исследований в области криминологии, психологии и статистики, которые приводятся в данной статье. На основе проведенного исследования формулируются предложения по применению современных инструментов оценки криминогенных ситуаций через системы мониторинга информационного поля как одного из перспективных направлений изучения преступлений и их предупреждения.

Ключевые слова: криминогенная ситуация, социальные медиа, медиаконтент, мониторинг соцсетей, криминализация личности, предупреждение преступлений, медиаресурсы, социальная сеть, кибербуллинг, дезинформация, социальное заражение

Елена Валерьевна ЧЕРВОНЫХ,
преподаватель кафедры
криминологии и уголовно-
исполнительного права
имени В. Е. Эминова
Университета
имени О.Е. Кутафина,
кандидат
юридических наук
evchervonnyh@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.197-207

Elena V. CHERVONNYKH,

teacher of the Department of Criminology and Penal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

evchervonnyh@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Formation of Criminogenic Situations in the Sphere of Social Media and their Influence on the Process of Criminalization of the Individual

Abstract. *The article examines the conditions that contribute to the formation of criminogenic situations in the sphere of social media, and identifies their types. The influence of criminogenic situations on the individual is analyzed, and it is noted that the process of criminalization of the individual in the media field is built through the influence of a number of key mechanisms. These include: long-term or instantaneous impact of media content on the individual; widespread distribution of destructive and disinformation content through thematic communities, chats and groups and its normalization; profile anonymity, which creates the illusion of impunity; low level of social control and others. The consequences for the individual as a result of such influence are: a distorted perception of social norms; the formation of attitudes to justify illegal behavior; a decrease in tolerance and, as a consequence, an increase in aggression. The conclusions about the influence of social media on the process of criminalization of the individual are based on the analysis of existing research in the field of criminology, psychology and statistics, which are presented in this article.*

Based on the conducted research, proposals are formulated for the use of modern tools for assessing criminogenic situations through information field monitoring systems, as one of the promising areas of studying crimes and their prevention.

Keywords: *crime situation, social media, media content, social media monitoring, criminalization of personality, crime prevention, media resources, social network, cyberbullying, disinformation, social contagion*

Криминогенные ситуации могут формироваться в сфере социальных медиа, которые изменили традиционные модели потребления информации. Пользователи становятся не только потребителями, но и создателями контента. Профессор Е. Л. Вартанова рассматривала этот процесс как децентрализацию информационного пространства, когда у потребителя информации появляется больше свободы¹. Е. Л. Вартанова также отмечала, что за счет увеличения объема информации в новых медиа снижается ее достоверность и медиаграмотность

¹ Вартанова Е. Л. Новые медиа как фактор модернизации СМИ // URL: http://www.vartanova.ru/articles/ru/novue_media.html (дата обращения: 29.03.2025).

населения, а цифровое неравенство приводит к появлению цифровых неграмотных².

Недостаток цифровых навыков и цифровой грамотности выключает пользователей из глобального информационного пространства³. О снижении способности пользователей социальных медиа к критическому мышлению — способности сомневаться в получаемой информации и своих убеждениях — писала в 2019 г. директор Исследовательского центра медиапсихологии в Калифорнии Памела Ратледж. Отсутствие навыка критического восприятия информации делает пользователей наиболее уязвимыми к разного рода манипуляциям в социальных медиа, включая неосознанное участие в противоправной деятельности.

Усложняет процесс критического восприятия информации обилие форматов пользовательского контента — текстовых сообщений, комментариев, цифровых фотографий и видеороликов, полученных с помощью всех взаимодействий онлайн и влияющих на модели поведения. Пользовательский контент — жизненная основа социальных сетей. Его обилие и трудности верификации формируют криминогенную ситуацию, включая массовую дезинформацию, фейковые новости, недостоверные сведения. Результат — искажение общественного восприятия реальности и формирование неверных убеждений⁴.

Мануэль Кастельс в своей работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» в 2009 г. написал, что через социальные медиа формируется общественное мнение⁵. Массовая дезинформация в социальных медиа влияет на общественное мнение, провоцируя такие негативные последствия, как подрыв доверия к традиционным институтам власти, рост социальной напряженности, закрепление ложных стереотипов, провоцирование массовой паники и другие вредные процессы. Ярким примером является пандемия COVID-19, когда распространение недостоверных сведений о вирусе в информационном поле и методах его лечения приводило к опасным последствиям для здоровья и жизни людей⁶.

² «У революции в медиасфере есть свои жертвы», — считает Елена Вартанова // URL: <https://ria.ru/20110624/392657912.html?ysclid=m8yymaueh533805242> (дата обращения: 30.03.2025).

³ Гладкова А. А., Гарифуллин В. З., Массимо Р. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2019. № 4. С. 56.

⁴ Миронова А. В., Загоруйко В. И. Влияние социальных медиа на общественное мнение: актуальные проблемы и перспективы исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Социология. 2018. № 18 (4). С. 84—93 ; Очагов Н. А. Влияние социальных медиа на формирование общественного мнения и политические процессы // URL: <https://na-journal.ru/7-2023-sociologiya/6085-vliyanie-socialnyh-media-na-formirovanie-obshchestvennogo-mneniya-i-politicheskie-processy> (дата обращения: 30.03.2025).

⁵ Castells M. The Rise of the Network Society. Information Age. Vol. 1 ; 2nd edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.

⁶ Демченко А. А. Психологические механизмы восприятия и распространения дезинформации в социальных сетях как фактор дестабилизации общественного сознания // Молодой ученый. 2025. № 2 (553). С. 437—439.

Таким образом, криминогенную ситуацию в социальных медиа следует рассматривать как любое действие, совокупность факторов и условий, которые способствуют совершению преступлений посредством использования социальных сетей: кибербуллинга, мошенничества, нарушения авторских прав, дезинформации, провокаций, распространения незаконного контента, организации преступных действий, угроз безопасности и др.

Формированию криминогенных ситуаций способствует и популярность социальных медиа за счет открывающихся возможностей — общения независимо от местонахождения, многомерности способов коммуникации, влияния на формирование общественного мнения, особенно среди молодежи, возможности формировать и выразить свою идентичность и т.д.

С ростом возможностей социальных медиа⁷ растет их влияние и внимание к ним со стороны разных государственных институтов. Одна из значимых черт, которую не могут контролировать власти, как пишет А. А. Шнайдер, — способность социальных медиа собирать большое количество единомышленников. Это стимулирует коллективную социальную активность⁸. Д. Бакунов отмечает, что социальные медиа через алгоритмы могут быть инструментом для манипуляции общественным мнением за счет усиленной коммуникационной составляющей. Об этом писали и исследователи в области психологии — А. М. Столяренко, Н. В. Сердюк, В. В. Вахнина, Л. Л. Грищенко и О. М. Боева⁹.

Таким образом, в сфере социальных медиа (платформ и всевозможных приложений, позволяющих пользователям взаимодействовать друг с другом) могут формироваться негативные условия и факторы через поток информации, общественное мнение, групповую динамику, психологическое воздействие, слежку и контроль. Закладываемые неочевидно негативные нарративы способны создать почву для деструктивного поведения.

Социальные медиа, в частности социальные сети и мессенджеры, являются одним из основных каналов криминогенного воздействия на личность в сети Интернет. Через них распространяются материалы, способствующие героизации и романтизации преступников и преступности в целом. Такой контент становится нормальным для пользователя. На этот факт обращали внимание В. В. Боровикова, О. П. Дубягина, А. В. Токарев¹⁰.

В сфере социальных медиа интерес для исследования представляют типы ситуаций, основанные на восприятии пользователя (явные и неявные) и на времени воздействия на пользователя (накопительные или мгновенные).

⁷ Их платформы — социальные сети, блоги, интернет-форумы, видеоблоги, мобильные и онлайн-продукты, мессенджеры и др.

⁸ Шнайдер А. А. Новые медиа — новые возможности // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-media-novye-vozmozhnosti/viewer> (дата обращения: 30.03.2025).

⁹ Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия / А. М. Столяренко, Н. В. Сердюк, В. В. Вахнина [и др.] // Психология и право. 2019. Т. 9. № 4. С. 75—89.

¹⁰ Токарев А. А. Роль средств массовой информации в предупреждении преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

Явные ситуации, например, формирующиеся в социальных медиа протесты, практически всегда очевидны и легко просчитываются.

Неявные криминогенные ситуации распознать сложнее. К неявным криминогенным ситуациям в социальных медиа можно отнести распространение контента, формирующее у пользователя искаженное восприятие насилия как приемлемого или желаемого поведения (через популярные видеоигры, фильмы или даже мемы). Неявные криминогенные ситуации могут возникать в результате кибербуллинга, когда жертвы подвергаются длительному систематическому запугиванию, оскорблениям и преследованию других пользователей в сети Интернет. Это приводит к таким последствиям, как нарушение психического здоровья, самоубийство. Другим примером криминогенной ситуации является неосознанное участие пользователей в мошеннических схемах, например, через участие в лотереях или конкурсах, которые на самом деле являются обманом. Социальные медиа могут служить платформой для сексуальной эксплуатации и торговли людьми. Неявные ситуации могут включать в себя манипуляцию и вовлечение несовершеннолетних в опасные отношения. Появляется возможность вербовки, подготовки и координации действий организованных преступных групп и сообществ, что способствует совершению преступлений в реальной жизни. Платформы социальных медиа используются для распространения радикальных идеологий.

Влияние социальных медиа на формирование криминогенной ситуации осуществляется также, как указано выше, за счет накопительного или мгновенного воздействия.

Накопительное воздействие происходит постепенно. Медиаконтент потребляется длительно (от нескольких месяцев до нескольких лет). Воздействие на восприятие личностью тех или иных видов ситуаций происходит через повторяющиеся нарративы. Исследования показывают, что постоянное воздействие медиа на личность может изменять ее ценностные ориентации и формировать устойчивые установки, такие как нормализация насилия или правовой нигилизм, скептическое отношение к правоохранительным органам¹¹. В качестве примеров такого воздействия можно назвать рост социальной терпимости к мелким правонарушениям, рост латентных преступлений из-за опасения осуждения при обнаружении какой-либо чувствительной информации.

Мгновенное воздействие, как правило, возникает в виде быстрой реакции на конкретные освещаемые события, которые способны вызвать сильные эмоциональные реакции и спонтанные действия. Реакция практически всегда связана с сильными эмоциями (страх, гнев, подражание преступнику). Критическое мышление на фоне сильных эмоций при мгновенном воздействии не успевает работать. Наблюдаются всплески преступности или агрессии после определенных медийных событий, триггерами могут стать громкие жестокие преступления, например теракты. Мгновенное воздействие, особенно «в моменте» и на большое число пользователей, способно вывести на улицы массы людей¹².

¹¹ Давыдова М. А. Влияние медиа на формирование паттернов поведения современной молодежи // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. № 4 (3). С. 6—19.

¹² Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. М. : Олма-Пресс, 2002.

Спонтанные погромы, особенно после трансляции сильных эмоциональных событий, протестных акций, — характерное при данном механизме поведение. Протест может и не выйти в офлайн, но остро протекать в социальных медиа, вынуждая на него реагировать органы государственной власти. Например, после теракта в «Крокус Сити Холле» и иных последовавших резонансных происшествий с участием мигрантов в социальных медиа наблюдается радикализация антимигрантских настроений: усилилась не только неприязнь к приезжим, но и социальная дистанция между людьми разных национальностей.

Одним из ярких примеров социального протеста против мигрантов стала отмена заказов такси в случае, если водитель оказывался родом из Таджикистана. Массово в тг-каналах публиковали скриншоты из мобильных сервисов такси, где клиенты спрашивали у водителей, принявших заказ, их национальность. В таджикских диаспорах рекомендовали проживающим в России соотечественникам не выходить из дома в вечернее время и не посещать массовые мероприятия. Люди стали в целом более внимательны к своему окружению. Публикации в информационном поле выходили под такими заголовками: «Мигранты против русских детей. Отцы готовы вершить самосуд. Диаспора заступает за насильников», «Мигранты оккупируют Россию ради будущего своих детей? Демография наравне с атомной доктриной». В регионах активно обсуждались предложения о возвращении смертной казни.

В тг-каналах ультраправых организаций после теракта в «Крокус Сити Холле» чаще стали наблюдаться сообщения с призывами к нападениям на лиц «неславянской внешности», включая угрозы расправ и самосуда над мигрантами. Существенно увеличилось количество видеороликов с нападениями на уроженцев Узбекистана, Таджикистана, Дагестана и других людей «неславянской внешности», цыган и женщин в хиджабах. Лишь за выходные дни после теракта в тг-каналах радикальных националистов было размещено более 300 публикаций, направленных на раскрутку криминальных инцидентов с участием мигрантов: с 4 по 22 марта (до теракта) таких постов было 460, а с 23 марта по 14 апреля — около 850 (рост практически в два раза)¹³.

Высокую опасность несет такое характерное для социальных медиа явление, как социальное заражение. Внутри социальных сетей через алгоритмы социальных медиа распространяются идеи, эмоции, поведение. Алгоритмы социальных медиа предназначены для показа пользователям контента, который соответствует их убеждениям и предпочтениям. Для этого создаются своего рода эхо-камеры, где пользователи подвергаются воздействию только информации и мнений, основанных на их собственных взглядах и убеждениях. Возможный результат — быстрое распространение поведения толпы. Пользователи в этих эхо-камерах укореняются в своих убеждениях и не воспринимают противоположные точки зрения, критическое мышление не работает¹⁴.

¹³ Тг-канал «Карельский бальзам. Новости» // URL: https://t.me/s/kb_announcements?before=188923 (дата обращения: 30.03.2025).

¹⁴ Чентола Д. Законы социального заражения. 7 стратегий изменения общественного мнения и поведения. М., 2022.

Одним из аспектов социального заражения является сила подражания, когда люди бессознательно имитируют поведение других. Исследуя феномен подражания, Р. М. Пэн экспериментально установила следующую закономерность: «...в процессе подражания у ребенка образуются условные рефлексy быстрее, чем классическим способом»¹⁵. Зарубежные социологи и психологи склонны считать подражание всеобщим законом взаимодействия, на котором основана социальная жизнь. Подражание объявляется простым копированием или эхом, «попугайничеством»¹⁶.

Благоприятными условиями для социального заражения являются деиндивидуализация, групповая поляризация и групповое мышление. Наиболее яркие примеры последствий этого явления в истории: массовое убийство-самоубийство более 900 членов культа «Храм народов» в Гайане в 1978 г.¹⁷; серия антиправительственных протестов и восстаний, охвативших Ближний Восток и Северную Африку в 2010—2011 гг.¹⁸; пандемия COVID-19, вызвавшая такие поведенческие реакции, как панические покупки, карантин, социальное дистанцирование, неуверенность в вакцинации и теории заговора.

Криминализация платформ напрямую коррелирует с их популярностью, особенно среди молодежи, и уровнем цифровой грамотности пользователей¹⁹. Аудитория социальных медиа исчисляется сотнями миллионов. Так, по данным DataReportal, в начале 2024 г. в России зарегистрировано 106 млн пользователей соцсетей (81,3 %), среди них 54,8 % женщин и 45,2 % мужчин, а медианный возраст российских пользователей составил 39,4 года²⁰.

Согласно исследованиям, наиболее криминогенной социальной сетью в российском цифровом пространстве является соцсеть «ВКонтакте». По данным судебной практики, в 2024—2025 гг. через нее были совершены финансовые мошенничества (47 % случаев через взломанные аккаунты), распространение

¹⁵ Божович Л. И., Славина Л. С. Психология детского подражания (экспериментально-психологическое исследование) // Культурно-историческая психология. 2007. Т. 3. № 2. С. 101—107.

¹⁶ Тард Г. Преступления толпы / пер. д-ра И. Ф. Иорданского ; под ред. проф. А. И. Смирнова. Казань : Н. Я. Башмаков, 1893.

¹⁷ Самое массовое самоубийство XX века // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2347175> (дата обращения: 30.03.2025).

¹⁸ Арабская весна. Страны Ближнего и Среднего Востока во второй половине XX — начале XXI в. // Молодой ученый. 2023. № 20 (467).

¹⁹ Захаров С. С. Социальная сеть как источник криминалистической информации // Молодой ученый. 2023. № 20 (467). С. 530—532.

²⁰ Digital 2024: The Russian Federation // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-russian-federation> (дата обращения: 30.03.2025).

экстремистского контента²¹, вербовки в преступные сообщества²²; 32 % приговоров были связаны с незаконным оборотом наркотиков с использованием этой платформы²³.

В 2024 г. сеть «ВКонтакте» представила «Месяц борьбы с кибербуллинг». Согласно опубликованным данным, 47 % случаев связаны с кибербуллинг, 65 % — с троллинг. Примерно 48 % респондентов отметили, что сталкивались с разжиганием ненависти в свой адрес, 43 % — с распространением клеветы²⁴.

Несмотря на то что криминогенное влияние социальных медиа на личность пока изучено недостаточно, ученые склоняются к мнению, что их влияние на формирование преступной личности существенно. Наибольшей уязвимостью обладают лица с: несформированными социальными установками²⁵ и низким уровнем самоконтроля, испытывающие потребности в негативном контенте²⁶. Среди всех категорий пользователей наиболее уязвимой категорией являются несовершеннолетние. С 2020 по 2024 г., по данным МВД России, в 74 раза выросло число интернет-преступлений, совершенных детьми. Оценить реальный масштаб сложно, что связано с высокой степенью латентности таких преступлений. Наблюдается увеличение количества тяжких преступлений, в частности диверсий, на которые несовершеннолетних в социальных сетях подталкивают кураторы, часто находящиеся в недружественных странах.

Криминализация личности в социальных медиа происходит под влиянием нескольких условий:

— *анонимность профилей*, которая создает иллюзию безнаказанности и позволяет разделять «виртуальную» и реальную личности. Психологи отмечают, что анонимность в социальных медиа может снижать социальные нормы и увеличивать вероятность агрессивного поведения. Постоянное потребление негативного контента провоцирует тревожность, агрессию и правовой нигилизм²⁷;

²¹ Бельков В. А., Бальжинимеева А. Б. Социальные сети как поле преступной деятельности: проблемные аспекты и пути их решения // Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза; оперативно-разыскная деятельность 2016. № 1(11). С. 55—57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-pole-prestupnoy-deyatelnosti-problemnye-aspekty-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 30.03.2025).

²² Бельков В. А., Бальжинимеева А. Б. Указ. соч.

²³ Соловьев В. С. Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 60—72.

²⁴ VK представил «Месяц борьбы с кибербуллинг» // URL: <https://adindex.ru/news/digital/2024/11/6/327135.phtml> (дата обращения: 30.03.2025).

²⁵ Анализ воздействия информационных потоков СМИ на социально-психологические характеристики личности // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17770> (дата обращения: 30.03.2025).

²⁶ Анализ воздействия информационных потоков СМИ на социально-психологические характеристики личности.

²⁷ Анализ воздействия информационных потоков СМИ на социально-психологические характеристики личности.

- *простота и скорость получения информации.* В социальных медиа легко найти информацию о способах совершения преступлений, а также о методах уклонения от ответственности. Это может способствовать формированию преступных намерений;
- *быстрый поиск единомышленников:* насилие и преступление могут восприниматься как нормальные явления, как приемлемый вариант решения своих проблем.

Все это подчеркивает важность мониторинга и модерации контента в социальных сетях, а также проведения образовательных программ по безопасному поведению в Интернете.

Снижение уровня криминальных проявлений в социальных медиа — задача комплексная. Ее нельзя решить без участия государственных структур, образовательных учреждений, родителей и самих пользователей.

Могут помочь в снижении остроты следующие меры:

Обучение пользователей, особенно подростков, тому, как безопасно вести себя в Интернете. В ряде зарубежных стран, например в Австралии, на разных уровнях и в разных сферах внедряются программы по обучению цифровой грамотности, включая курсы для школьников и студентов вузов²⁸. Эти и иные программы учат детей не только безопасному поведению в Интернете, но и тому, как реагировать на случаи агрессии, для формирования полезных привычек в отношении безопасного поведения в социальных сетях.

Влияние на ситуацию через правовое поле. Полный или значительный государственный контроль ввели Северная Корея, Китай, Белоруссия, ОАЭ. В то же время США, Великобритания, Германия и некоторые другие страны Евросоюза вмешиваются в этот процесс незначительно, оставляя относительную свободу и допуская саморегуляцию²⁹.

Развитие партнерства государственных органов с технологическими компаниями, работающими в сфере Digital. Разрабатываемые такими компаниями алгоритмы мониторинга триггерного контента позволят своевременно выявлять уровень социальной напряженности, социальные риски в информационной среде, деструктивный контент; прогнозировать эскалацию каких-либо событий через поведение пользователей в социальных сетях, а как результат — создавать более безопасную онлайн-среду.

Развитие культуры критического мышления в информационном потоке. Критическое мышление помогает анализировать информацию, не доверять поддельным новостям и принимать лучшие решения. В 2009 г. в Великобритании был опубликован доклад о введении нового предмета в школах, посвященного проблемам

²⁸ Соколов Д. В. Цифровая грамотность в условиях инновационной экономики // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3. № 3. С. 90—91.

²⁹ Король Д. П. Несовершеннолетнее лицо как субъект преступлений в сети Интернет // Киберпреступность: риски и угрозы : материалы Всероссийского студенческого круглого научно-практического стола с международным участием (11 февраля 2021 г.). СПб. : Астерион, 2021. С. 47—50.

преподавания критического мышления³⁰. За период с 2001 по 2009 г. количество британских школ с курсами критического мышления увеличилось со 130 до 1 000³¹.

Повышение осведомленности о преступлениях, совершаемых в социальных медиа. Например, в Канаде проводятся общественные кампании, направленные на повышение осведомленности о кибербуллинге и его последствиях. Эти инициативы помогают создать более безопасную онлайн-среду и поддерживают жертв травли.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бельков В. А., Бальжинимаева А. Б.* Социальные сети как поле преступной деятельности: проблемные аспекты и пути их решения // Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность. — 2016. — № 1 (11). — С. 55—57.
2. *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. — М. : Олма-Пресс, 2002. — 512 с.
3. *Божович Л. И., Славина Л. С.* Психология детского подражания (экспериментально-психологическое исследование) // Культурно-историческая психология. — 2007. — Т. 3. — № 2. — С. 101—107.
4. *Вартанова Е. Л.* Новые медиа как фактор модернизации СМИ // URL: http://www.vartanova.ru/articles/ru/novue_media.html.
5. *Гладкова А. А., Гарифуллин В. З., Массимо Р.* Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) // Вестник Моск. ун-та. — Серия 10 : Журналистика. — 2019. — № 4.
6. *Давыдова М. А.* Влияние медиа на формирование паттернов поведения современной молодежи // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. — 2021. — № 4 (3). — С. 6—19.
7. *Демченко А. А.* Психологические механизмы восприятия и распространения дезинформации в социальных сетях как фактор дестабилизации общественного сознания // Молодой ученый. — 2025. — № 2 (553). — С. 437—439.
8. *Захаров С. С.* Социальная сеть как источник криминалистической информации // Молодой ученый. — 2023. — № 20 (467). — С. 530—532.
9. *Король Д. П.* Несовершеннолетнее лицо как субъект преступлений в сети Интернет // Киберпреступность: риски и угрозы : материалы Всероссийского студенческого круглого научно-практического стола с международным участием (11 февраля 2021 г.). — СПб. : Астерион, 2021. — С. 47—50.

³⁰ Introducing a new subject and its assessment in schools: the challenges of introducing Critical Thinking AS/A level in the UK // URL: <https://www.cambridgeassessment.org.uk/images/126122-introducing-a-new-subject-and-its-assessment-in-schools-the-challenges-of-introducing-critical-thinking-as-a-level-in-the-uk.pdf> (дата обращения: 30.03.2025).

³¹ Результаты опроса Statista: как использовать критическое мышление в информационном потоке // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e81f1339a7947c0a7a6eef3?from=sору> (дата обращения: 30.03.2025).

10. *Миронова А. В., Загорулько В. И.* Влияние социальных медиа на общественное мнение: актуальные проблемы и перспективы исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — Серия : Социология. — 2018. — № 18 (4). — С. 84—93.
11. *Очагов Н. А.* Влияние социальных медиа на формирование общественного мнения и политические процессы // URL: <https://na-journal.ru/7-2023-sociologiya/6085-vliyanie-socialnyh-media-na-formirovanie-obshchestvennogo-mneniya-i-politicheskie-processy>.
12. Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия / А. М. Столяренко, Н. В. Сердюк, В. В. Вахнина [и др.] // Психология и право. — 2019. — Т. 9. — № 4. — С. 75—89.
13. *Соколов Д. В.* Цифровая грамотность в условиях инновационной экономики // Управление наукой: теория и практика. — Т. 3. — № 3. С. 90—91.
14. *Соловьев В. С.* Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10. — № 1. — С. 60—72.
15. *Тард Г.* Преступления толпы / пер. д-ра И. Ф. Иорданского ; под ред. проф. А. И. Смирнова. — Казань : Н. Я. Башмаков, 1893. — 44 с.
16. *Токарев А. А.* Роль средств массовой информации в предупреждении преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2012. — 30 с.
17. *Чентола Д.* Законы социального заражения. 7 стратегий изменения общественного мнения и поведения. — М., 2022. — 140 с.
18. *Шнайдер А. А.* Новые медиа — новые возможности // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-media-novye-vozmozhnosti/viewer>.
19. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition. — Wiley-Blackwell, 2009. — 625 p.

